

Матушка Лян, закончив говорить, схватила сына за руку и собралась выйти за порог, но кто-то сильно дёрнул её, и она, не удержав равновесия, шлёпнулась на пол.

Саньбао, хоть и был в ярости, не осмеливался вымещать её на Лян Цзине. Он видел, как тот дрался на улице. Обычно парень был тихим и молчаливым, но в драке словно преображался, становясь похожим на разъярённого быка, не останавливающегося, пока противник не попросит пощады. Поэтому он инстинктивно схватил беззащитную невестку...

Едва окружающие успели опомниться от шока, как Лян Цзинь уже схватил его за воротник и с силой швырнул на землю. Подняв кулак, он начал наносить удары по лицу, каждый раз вкладывая всю силу, сопровождая их грубой бранью:

— Собака, никчёмный ублюдок, только на женщин и способен? Сегодня я тебе хорошенько вправлю мозги.

В доме все поняли, что Лян Цзинь не шутит. Даже обычно молчаливый дедушка Лян засуетился, пытаясь разнять драку, с трудом выдавливая слова:

— Хватит драться, позор, просто позор.

Бабушка Лян была ещё больше разъярена. Указывая на сидящую на полу матушку Лян, она закричала:

— Ты, проклятая, пришла, чтобы погубить нашу семью. Сначала убила второго сына, а теперь хочешь третьего? Почему ты не разбилась насмерть? Немедленно заставь этого скота отпустить!

Бабушка Лян не знала, что её слова только разожгли ярость Лян Цзиня. Удары стали ещё сильнее, и он с усмешкой произнёс:

— Завтра тебе и принаряживаться не придется, пусть моя будущая тётя хорошенько рассмотрит твою физиономию. Я тебе покажу, как лезть куда не следует. Я тебя не убью, но запомнишь на всю жизнь, ублюдок.

Саньбао в этот момент ощущал лишь невыносимую боль. Он кричал и звал на помощь родителей. За всю свою жизнь он впервые столкнулся с таким ужасом. Болела голова, лицо, шея была сдавлена, и он едва мог дышать.

Дядя и другие родственники пытались успокоить Лян Цзиня, говоря, что не стоит обращать внимание на глупца, что дальше может дойти до убийства. С большим трудом им удалось разнять драку.

Лян Цзинь, тяжело дыша, провёл рукой по носу и, указывая на лежащего на полу человека, который дрожал от страха, сказал:

— Я давно терпеть тебя не мог. Вся семья крутится вокруг такого никчёмного ублюдка, который только ест, спит и гадит. Ещё и старших бить собрался? В следующий раз будь умнее, а то я тебя снова отлуплю.

Бабушка Лян, в слезах, была в ужасе от вида своего окровавленного сына. Она звала его своим сокровищем, хотела ругать Лян Цзиня, но, увидев его горящие глаза и не утихшую ярость, проглотила слова.

Лян Цзинь помог матери подняться и мягко спросил:

— Сильно ушиблась? Может, к врачу? Если кто-то ещё посмеет тебя оскорблять, я разорву ему рот. Какие это родственники? В моих глазах таких родственников нет.

Когда Лян Цзинь с матерью ушли, остальные поспешно подняли Саньбао и уложили его на кровать. На том месте, где он лежал, осталась лужа...

Матушка Лян, прихрамывая, вернулась домой и, улыбаясь встревоженному сыну, сказала:

— Просто ушиблась, кости целы. Вот только Чэн Хао сейчас нуждается в помощи, а я такая... Не помешала бы. Ты не должен был так сильно его бить. Если бы с ним что-то случилось, ты бы попал в беду. Что бы я тогда делала?

Лян Цзинь равнодушно ответил:

— Я же его не убил? Не волнуйся, я знаю меру. Этот тряпка, я его пару раз ударил, и он уже обмочился. Я просто хотел его напугать. Не думай, что я не знаю, как он за спиной пакостит, подставляет других. У него злое сердце. Папа сколько раз ел его объедки. Я потом стал следить и приносить еду для папы к нам домой... В этой семье нет хороших людей.

Матушка Лян улыбнулась:

— Ты ведь тоже часть этой семьи. Лучше меньше драться. Посмотри, у тебя на руке синяк. Не стоит злиться на таких людей.

Лян Цзинь не сказал, что эти люди не стоят его гнева. Это только начало. Если их не напугать, они будут продолжать наглеть. Он уже достаточно натерпелся, пора и ему стать умнее.

Шум, поднятый в семье Лян, дошёл до деревни. Хотя люди считали, что Лян Цзинь перегнул палку, они также думали, что такой скандал был полезен. Бабушка Лян слишком баловала своего сына. Ему уже почти тридцать, а он всё ещё сидит дома и живёт за чужой счёт. Если бы он мог заботиться о себе всю жизнь, это было бы другое дело, но старики живут день за днём, кто знает, когда их время придёт?

Лян Цзинь продолжал бегать между школой и домом, но знал, что, когда сваха привела девушку, третий дядя даже не появился. Бабушка извинялась перед гостями и незаметно сунула свахе двадцать юаней, чтобы уладить ситуацию.

Лян Цзинь был рад этому и съел на полчашки риса больше.

Матушка Лян, ушибшись, не могла готовить, но уже миновали июльская жара и августская сырость, когда еда быстро портилась, поэтому приготовленные блюда могли храниться дольше. Потому Чэн Хао, закончив дела в городе, приходил помогать с готовкой, независимо от того, как поздно было.

Лян Цзиню было жаль его, поэтому он всегда провожал Чэн Хао домой. По дороге они разговаривали, и естественно, речь зашла о драке.

Лян Цзинь не хотел обсуждать это, поэтому уклончиво ответил:

— Это нормально, я что, должен был стоять и позволять себя бить? Я не дурак. Не о чем говорить. Тебе чего-то не хватает? Если у меня будет время, я помогу. С третьим дядей Ло я

долго торговался, и он согласился скинуть мне цену на свинину.

Чэн Хао, глядя на луну, улыбнулся. Он уже забыл, когда в последний раз так смотрел на неё. Смутно помнил, как тогда, голодный и обессиленный, украл булочку, и его избили так, что он боялся, будто кости разлетятся.

— Не забудь взять потроха. В городе люди не жалеют денег, а мы не можем найти подходящего места, иначе не пришлось бы таскать туда-сюда. Ты слышал о холодильнике? Говорят, что даже летом мясо в нём не портится. Когда заработаем достаточно, купим и себе, и не будет беспокоиться.

Лян Цзинь кивнул, запомнив это. Когда у него будет больше денег, он купит Чэн Хао всё, что тот захочет.

При свете луны Лян Цзинь пристально смотрел на спину Чэн Хао. От усталости его плечи слегка опустились, выдавая скрытую усталость. Он хотел обнять его, но не осмелился, боясь спугнуть. Их отношения были как утренний туман, ещё не рассеявшийся, но и не прояснившийся.

Лян Цзинь опустил взгляд на их удлинённые тени. Он развёл руки, сделав вид, что обнимает, и их тени слились, будто они действительно обнялись. Уголки его губ непроизвольно поднялись в улыбке. Он погрузился в своё маленькое счастье, не зная, что всё это время за ним наблюдал Чэн Хао.

Чэн Хао сначала нахмурился, потом расслабился и тоже улыбнулся. Это чувство близости, как с родным человеком, появилось неизвестно когда, но было так естественно. Они оба приняли это как должное.

Подходя к дому Чэн Хао, Лян Цзинь сказал:

— Время идёт так медленно. Хотел бы я, чтобы три года прошли в мгновение. Какими мы будем тогда? Может, уже разбогатеем, станем хозяевами, будем сидеть и считать деньги.

Чэн Хао ткнул его:

— Зачем мечтать о манне небесной? Я просто хочу... чтобы больше не быть одному, иметь место, где можно спокойно жить, делать то, что хочется. Если бизнес пойдёт хорошо, можно будет поехать куда-нибудь ещё.

Лян Цзинь усмехнулся:

— Откроем наш собственный ресторан, с дорогой отделкой, поставим снаружи доску, будем готовить, что захотим, без заказов. Так будет проще.

Чэн Хао счёл его слова странными. В ресторанах повара готовят по заказу клиентов. Без заказов? Кто тогда придёт?

Лян Цзинь знал, что он не верит, но не стал объяснять, просто улыбнулся и пошёл вперёд.

Такой тихий и уютный вечер... Хорошо бы, если бы они могли идти так вечно.

На следующий день последним уроком была физкультура. Учитель разрешил свободное время, и Лян Цзинь, лениво сидя на земле, наблюдал за одноклассниками, которые бегали и играли.

Две девочки уже звали его прыгать через верёвку, но он отмахнулся, и та, надувшись, убежала.

— Зачем ты с ним дружишь? Он даже своего дядю избил, говорят, до сих пор не может встать. Берегись, а то и тебя поколотит.

<http://bllate.org/book/16631/1523346>